

«ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА»

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

Ростов-на-Дону
«ФЕНИКС»
2026

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)44
Ф66

FRANCIS SCOTT FITZGERALD
The Great Gatsby

Перевел с английского С. Таск

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт.

Ф66 Великий Гэтсби : [роман] / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; [пер. с англ. С. Таска]. — Ростов н/Д : Феникс, 2026. — 189, [2] с. — (Обязательная программа).

ISBN 978-5-222-39379-6

Действие романа «Великий Гэтсби» разворачивается недалеко от Нью-Йорка, на «золотом побережье» Лонг-Айленда среди вилл богачей. Шикарные вечеринки, джаз, брызги шампанского, загадочные личности, моральный беспредел... Ник Каррауэй получает приглашение на званый ужин в особняке таинственного миллионера Джея Гэтсби. Кто он? Действительно ли он так велик? Правдивы ли легенды, которые о нем слагают? Ник попадает в круг людей, посвященных в тайны жизни и страсти Великого Гэтсби. Он пишет историю невозможной любви, вечных мечтаний, человеческой трагедии и, в конце концов, крушения американской мечты.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)44

© Сергей Таск, перевод
на русский язык, 2026
© ООО «Феникс», оформление, 2026

ISBN 978-5-222-39379-6

Хоть цилиндр золотой нахлобучь,
чтоб понравиться ей,
И копытом, как прыткий козленок,
стучи по ковру,
Чтоб вскричала: «Мой козлик,
мой фертик, о мой Гименей,
Без тебя я умру!»

Томас Парк Данвилье

Глава 1

В пору моей нежной юности отец дал мне совет, который я по сей день прокручиваю в голове.

— Когда ты захочешь кого-нибудь покритиковать, — сказал он, — вспомни о том, что ни у кого не было таких возможностей, как у тебя.

Он не стал развивать свою мысль, но наше «бурное» общение всегда отличалось немногословностью, и я смекнул, что за этим скрывалось нечто большее. Поэтому я склонен воздерживаться от любых суждений, и эта привычка побудила множество прелюбопытных душ открыться передо мной, но также сделала меня жертвой изрядного числа зануд. Нездоровый ум мгновенно распознает эту особенность в нормальном человеке и за нее цепляется, вот почему в колледже меня несправедливо обвиняли в политиканстве, так как я бывал посвящен в тайные переживания незнакомых и весьма буйных мужчин. Чаще всего я этих исповедей не жаждал — я нередко прикидывался спящим, чрезмерно занятым либо отчужденно легкомысленным, когда по какому-то безошибочному признаку догадывался, что некое откровение замаячило на горизонте, — ибо подобные откровения молодых людей или по крайней мере обороты, в которые они их обле-

кают, как правило, заимствованы, да еще с изъясном несомненно подавленных эмоций. Воздерживаться от суждений значит сохранять безграничную надежду. Я по-прежнему немного опасаясь кое-что упустить, если вдруг забуду эту заповедь, на что мой отец высокомерно намекал, и вот я высокомерно повторяю, что чувство элементарных приличий распределяется при рождении неравномерно.

А теперь, похвалившись своей терпимостью, я признаю, что она имеет свои границы. На чем бы наше поведение ни зиждилось, будь то скала или зыбкая топь, с какого-то момента для меня это теряет смысл. Прошлой осенью я вернулся с Восточного побережья в родные края с ощущением, что мир необходимо привести к единому знаменателю и некоей связующей морали раз и навсегда, довольно с меня бурных странствий по закоулкам чужих сердец. Вот только Гэтсби, чья фамилия дала название этой книге, был исключением из правила — Гэтсби, который олицетворял собой все, к чему я питаю холодное презрение. Если личность складывается из непрерывной серии широких жестов, то в нем было нечто прекрасное, какая-то особая восприимчивость к тому, что нам сулит жизнь, он словно был одним из тех замысловатых механизмов, что регистрируют земные толчки за десятки тысяч миль. Эта восприимчивость не имела ничего общего с убогой впечатлительностью, каковой придают лоск под именем «творческого темперамента»; нет, то был необыкновенный дар надежды, романтическое пребывание во всеоружии, то, чего я больше ни в ком не встречал и, вероятно, уже никогда не встречу. В общем, Гэтсби под конец показал себя молодцом; скорее, приживалы Гэтсби, вся эта дрянь, что выплывала на поверхность

по следам его мечтаний, на время погасили мой интерес к бесплодным людским печалям и недолговечной эйфории.

Моя состоятельная семья на протяжении трех поколений играла заметную роль в нашем городе на Среднем Западе. Каррауэи — своего рода клан, и легенда гласит, что мы потомки герцогов Баклю, однако основателем непосредственно моей линии был брат моего деда; он приехал сюда в одна тысяча восемьсот пятьдесят первом, послал воевать на Гражданскую войну кого-то вместо себя, а сам открыл оптовую торговлю скобяными товарами, которую мой отец ведет и поныне.

Своего двоюродного деда я никогда не видел, но считается, что я похож на него — имея в виду довольно прожженного типа, чей портрет висит в кабинете отца. Университет в Нью-Хейвене я закончил в 1915 году, ровно через четверть века после отца, и вскоре принял участие в позднейшей тевтонской миграции, известной как Большая война. Мне так полюбились контррейды, что домой я вернулся в состоянии возбуждения. Средний Запад, вместо того чтобы стать тихим прибежищем, показался мне захудалой границей вселенной, и тогда я решил отправиться на Восток и там освоить рынок ценных бумаг. Все, кого я знал, занимались ценными бумагами, и я подумал, что рынок как-нибудь выдержит еще одного бизнесмена. Мои тетушки и дядюшки, обсудив это, как если бы речь шла о выборе колледжа, в конце концов неуверенно сказали «Ну, что ж...» — с очень серьезными лицами. Отец согласился профинансировать меня в течение года, и после разных проволочек весной двадцать второго я перебрался на Восток, навсегда, как мне казалось.

Практичней было бы снять квартиру в городе, но стояла теплая пора, и я совсем недавно оставил мир больших лужаек и добросклонных деревьев, поэтому, когда молодой человек в офисе предложил мне снять на пару домик в близлежащем местечке, я ухватился за эту идею. Он нашел подходящий дом, обшарпанное бунгало из строительного картона, за восемьдесят долларов в месяц, но в последнюю минуту фирма отправила его в Вашингтон, и я поехал на выселки один. У меня был пес, по крайней мере несколько дней, пока он не убежал, старенький «додж» и прислужница-финка, которая меняла мне постель и готовила завтраки, бормоча над электроплитой финские премудрости.

Пару дней я чувствовал себя одиноко, пока однажды утром какой-то человек, приехавший сюда позже, не остановил меня на дороге.

— Не подскажите, как добраться до деревни Уэст-Эгг? — в растерянности спросил он.

Я подсказал. И дальше уже шагал, не чувствуя одиночества. Я был проводником, землепроходцем, первопоселенцем. Он мимоходом даровал мне свободу близкого соседства.

И тут, под ярким солнцем и буйной листвой, — с такой быстротой все разрастается на киноэкране, — я поверил, как бывало, что вместе с этим летом жизнь начинается заново.

Мне предстояло столько всего прочесть, а сколько здоровья обещал новорожденный живительный воздух. Я накопил дюжину книг о банковском деле, кредитовании и безопасном инвестировании, и они стояли на полке, в красных и золотистых обложках, как только что отчеканенные монеты, готовые раскрыть ослепительные тайны, известные исключительно Ми-

дасу, Моргану и Меценату. Я твердо намеревался, помимо этих, прочесть еще множество других книг. В колледже я показал себя литературно подкованным студентом — в течение года написал серию весьма серьезных, пусть и неоригинальных, редакционных статей в «Йельские новости», — и сейчас я рассчитывал снова окунуться в эту атмосферу и окончательно превратиться в представителя самой узкой специальности — во «всесторонне образованного человека». Это не остро́та — если на то пошло, жизнь выгоднее всего рассматривать из одного окна.

По чистой случайности я снял дом в удивительнейшем уголке Северной Америки, на одном из двух вызывающе торчащих, хотя по-своему изящных островов к востоку от Нью-Йорка, необычных образованиях суши среди прочих национальных достопримечательностей. В двадцати милях от города — такая пара огромных яиц совершенно одинакового контура, благопристойно отделенных бухточкой, вылезших из самого окультуренного пространства соленой воды в Западном полушарии, валяющихся, можно сказать, на плавучем скотном дворе Лонг-Айлендского пролива. Это не идеальные овалы — подобно Колумбову яйцу, у обоих срезаны соединенные макушки, — но их природная идентичность должна постоянно сбивать с толку носящихся над ними чаек. А для бескрылых существ куда более поразительным является то, что острова настолько несхожи во всем, кроме формы и размера.

Меня приютил Уэст-Эгг — остров, скажем так, немодный, хотя это слишком поверхностный ярлык, не передающий причудливого, а то и зловещего контраста между близнецами. Мой домишко находился у самой

оконечности яйца, метрах в двадцати от воды, зажатый с двух сторон великолепными особняками, аренда которых стоила двенадцать — пятнадцать тысяч за сезон. Справа вознеслось, по всем меркам, нечто грандиозное — этакая имитация отеля «Де Вилль» в Нормандии, с пристроенной башней, охораживающейся под тонким покровом дикого плюща, и мраморным бассейном, а вокруг — сорок с лишним акров под сад и зеленые лужайки. Это был особняк Гэтсби. Или, поскольку я не был знаком с мистером Гэтсби, скажем иначе: особняк, в котором проживал названный джентльмен. Мой дом смотрелся таким прыщиком, но прыщик был маленький, практически незаметный, так что я получил вид на залив и частично на чужую лужайку вкупе с греющим душу соседством миллионеров — и все за восемьдесят долларов в месяц.

Дармовая бухта отделяла меня от модного Ист-Эгга с его белоснежными резиденциями, разбросанными вдоль побережья, и история этого лета, в сущности, начинается с вечера, когда я отправился туда на машине поужинать с Бьюкененами. Дейзи была моей троюродной кузиной, а Тома я знал по колледжу. Сразу после войны я провел у них два дня в Чикаго.

Ее муж, помимо физических достоинств, вошел в историю Нью-Хейвена как один из самых мощных крайних нападающих в американском футболе — фигура почти национального масштаба, человек, достигший к двадцати одному году таких высот, что все дальнейшее выглядит неуклонным спадом. Его семья купалась в роскоши. В колледже он сорил деньгами, на что поглядывали косо, но то, с какой помпой он перебрался из Чикаго на Восточное побережье, просто ошеломляло: например, он привез с собой из Лейк-Фореста целое

стадо пони для игры в поло. Как-то не укладывалось в голове, что у человека моего поколения хватает денег на подобное.

Причина их переезда была мне неизвестна. Они провели год во Франции без всякой цели, а затем неугомонно колесили по местам, где собирались богатые люди поиграть в поло. Сюда мы приехали насовсем, сказала мне Дейзи по телефону, но я ей не поверил; я, конечно, не мог заглянуть ей в душу, но мне казалось, что Том будет вечно скитаться, тоскуя по накалу какого-нибудь приснопамятного футбольного матча.

И вот теплым ветреным вечером я поехал в Ист-Эгг повидаться с двумя старыми друзьями, которых я толком и не знал. Их дом оказался даже шикарнее, чем я ожидал: георгианский особняк в колониальном стиле, с веселым красно-белым фасадом, обращенным к бухте. Лужайка, простирившаяся на добрые четверть мили, от самого пляжа до парадного входа, на своем пути перепрыгивала через солнечные часы, вымощенные дорожки и разгоряченный сад и, добежав до дома, уходила за угол к ярким виноградным лозам, как бы по инерции. По фасаду выстроились французские окна, светившиеся отраженным золотом, открытые настежь теплomu полуденному ветру, а на крыльце, расставив ноги, в костюме для верховой езды стоял Том Бьюкенен собственной персоной.

Со времен Нью-Хейвена он изменился. Теперь это был кряжистый тридцатилетний мужчина с волосами цвета соломы, жесткой линией рта и надменным видом. Благодаря вызывающе поблескивающим глазам, сразу выделявшимся на его лице, создавалось впечатление, что он всегда готов на тебя навалиться. Даже костюм для верховой езды, сидевший на нем с женским шиком,

был не в состоянии скрыть физическую мощь этого тела — его ноги распирала сияющие ботинки так, что казалось, сейчас лопнет шнуровка, а когда он поводит плечом, было видно, как под легкой курточкой ходят мышцы. Это тело было способно сдвигать горы — беспощадное тело.

Его грубоватый, хриплый тенорок добавлял впечатление своенравности. Чувствовалось в нем этакое отеческое презрение даже к людям, которые ему нравились, а его brutality кое у кого в Нью-Хейвене вызывала неприязнь.

«Вы не думайте, что мое мнение непогрешимо, — как бы говорил он всем своим видом, — только потому, что я сильнее и больше вашего похож на мужчину». Мы оба входили в «Общество старейшин», и, хотя нас не связывала дружба, мне всегда казалось, что он ко мне расположен и на свой манер, с грубоватым вызовом, ждет моего одобрения.

Мы несколько минут поговорили на солнышке, не заходя в дом.

— Неплохое место, — сказал он, беспокойно озираясь.

Развернув меня одной рукой, он махнул широкой пятерней вдоль главной аллеи, заодно прихватив итальянский садик в низинке, пол-акра остро пахнущих роз и тупоносую моторку, подпрыгивавшую на волнах у самого берега.

— Оно принадлежало Демейну, нефтяному магнату. — Он снова развернул меня с вежливой властностью. — Пошли в дом.

Миновав высокую прихожую, мы очутились перед светлым пространством розовых тонов, изящно вписавшимся с помощью двух французских окон по бокам.

Окна были распахнуты и сияли белизной на фоне свежей травы, казалось прорывавшейся в дом. По комнате гулял бриз, он выдувал один конец занавесок и вдувал другой, играл ими, как светлыми флагами, перекручивая и взметая к потолку, похожему на глазурированный свадебный торт, а затем пробегал по ковру винной расцветки, оставляя на нем тень, как ветер оставляет рябь на морской глади.

Единственным неподвижным предметом в комнате была огромная софа, на которой восседали две молодые женщины, словно на минутку приставшие во время своего путешествия на воздушном шаре. После короткого облета дома их белые платья еще продолжали колыхаться и трепетать. Несколько мгновений в моих ушах звучали хлопанье занавесок и тихий стон картины на стене, а затем — бум, бум — Том Бьюкенен закрыл задние окна, и пойманный в ловушку ветер сразу затих, а занавески, ковры и две молодые женщины медленно осели.

Та, что помоложе, была мне незнакома. Она сидела очень прямо на краю софы, абсолютно неподвижная, с чуть вздернутым подбородком, словно жонглируя вещицей, которая может упасть. Если она и заметила меня краем глаза, то не подала виду, а я от неожиданности чуть не принялся извиняться за то, что потревожил ее своим внезапным вторжением.

Другая девушка, Дейзи, сделала попытку встать — она с усилием чуть подалась вперед, — но затем прыснула, смешно, по-детски, и я, тоже засмеявшись, вошел в комнату.

— Я о-онемела от счастья.

Она снова хохотнула, словно сказала что-то очень остроумное, и задержала мою ладонь в своей, глядя на

меня снизу вверх, как будто уверяла в том, что нет на свете другого человека, которого она желала бы так видеть. В этом была она вся. Шепотом она дала мне понять, что фамилия жонглерки — Бейкер. Мне приходилось слышать, что Дейзи своим шепотком как бы приглашает мужчин наклоняться поближе; замечание несущественное, поскольку это не делает ее привычку менее очаровательной.

В общем, мисс Бейкер шевельнула губами и едва заметно мне кивнула, после чего снова поспешила задраить голову — очевидно, штучка, которой она балансировала на подбородке, покачнулась, и это ее испугало. И вновь с моих губ едва не сорвались извинения. Всякое проявление полной самодостаточности вызывает у меня восторженный столбняк.

Я перевел взгляд на свою кузину, и та принялась меня расспрашивать своим низким, волнующим голосом. Это был голос из того разряда, когда ухо ловит каждую модуляцию, а любая фраза кажется соединением нот, которые уже никогда не повторятся. На ее миловидном печальном лице выделялись яркие глаза и яркий страстный рот, и в голосе слышалось возбуждение, незабываемое для тех, кому она была небезразлична: певучий порыв, легкий выдох «послушай», намек на то, что еще совсем недавно она занималась чем-то беспутным, волнующим и ближайший час обещает нечто столь же беспутное и волнующее.

Я рассказал ей, что по пути сюда остановился на день в Чикаго и что десяток людей просили меня передать ей свою любовь.

— Они по мне скучают? — воскликнула она восторженно.

— Город безутешен. Все выкрасили левое заднее колесо в черный цвет, такой траурный венок, а в северных кварталах по ночам стоит нескончаемый плач.

— Какая прелесть! Том, давай вернемся. Завтра же! — И вне связи с предыдущим добавила: — Ты должен посмотреть на ребенка.

— Конечно.

— Она спит. Ей два годика. Ты ведь ее еще не видел?

— Ни разу.

— Ты должен на нее посмотреть. Она...

Том Бьюкенен, до сих пор не находивший себе места, наконец остановился и положил руку мне на плечо:

— Чем ты занимаешься, Ник?

— Продаю акции.

— Для кого?

Я назвал фирму.

— Никогда не слышал, — отрубил он.

Меня это задело.

— Услышишь, — огрызнулся я. — Услышишь, если останешься на Востоке.

— Останусь, не беспокойся. — Он глянул на Дейзи и снова на меня, словно ожидал какой-то реплики. — Надо быть идиотом, чтобы уехать отсюда.

Тут мисс Бейкер воскликнула: «Да уж!» — причем так неожиданно, что я вздрогнул. Это были ее первые слова с момента моего появления. Похоже, она удивилась не меньше моего и, изобразив зевок, вскочила в два приема.

— Все тело затекло, — пожаловалась она. — Уже сбилась со счета, сколько часов я пролежала на этом диване.

— Можешь на меня не смотреть, — срезала ее Дейзи. — Я целый день пыталась вытащить тебя в Нью-Йорк.

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	42
Глава 4	65
Глава 5	86
Глава 6	103
Глава 7	118
Глава 8	154
Глава 9	170

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

Ответственный редактор *Д. Кондратьев*

Художественный редактор *А. Яковлев*

Технический редактор *Г. Логвинова*

Верстка: *М. Залиев*

RU/BY

Великий Гэтсби. Формат: 84×108/32. Тираж 3 000 экз.

Импортер на территории ЕАЭС: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150.

Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.

Изготовлено в Китае. Дата изготовления: 02.2026. Срок годности не ограничен.

Изготовитель: Шеньчжень Хонглан Интернейшнл Колор Принтинг Ко. Китай

Адрес: 501, Здание А, улица Хуохуйлуо, № 11, община Чжанкэнцзин, Гуаньху, район Лонгхуа, Шэньчжэнь, провинция Гуандун, Китай

Shenzhen Honglan International Color Printing Limited Company

ADDRESS: 501, Building A, No 11 Huohuiluo Road, Zhangkengjing Community,

Guanhu, Longhua District, Shenzhen, Guangdong Province, China

KZ

Ұлы Гэтсби. Форматы: 84×108/32. Таралымы 3 000.

ЕАЭО аумағындағы импорттаушы: «Феникс» ЖШҚ. Заңды және нақты

мекенжайы: 344011, Ресей, Ростов обл., Дондағы Ростов қ.,

Варфоломеев к-сі, 150 үй. Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.

Қытайда дайындалған. Дайындалған күні: 02.2026. Жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Дайындаушы: Shenzhen Honglan International Color Printing Limited Company

ADDRESS: 501, Building A, No 11 Huohuiluo Road, Zhangkengjing Community,

Guanhu, Longhua District, Shenzhen, Guangdong Province, China

16+